

Николай
ЖИВОТОВ

МАКАРКА-
ДУШЕГУБ

Роман
из петербургской
жизни

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44
Ж 67

Оформление обложки Ильи Кучмы

Животов Н.

Ж 67 Макарка-душегуб : Роман из петербургской жизни / Николай Животов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-389-31081-0

Остросюжетные, злободневные и увлекательные романы Николая Животова, петербургского криминального репортера и писателя, пользовались бешеной популярностью в дореволюционной России. Животов был знаменит тем, что свои журналистские расследования часто вел «изнутри», нанимаясь на различные поденные работы и внедряясь в разные слои общества, чтобы ближе ознакомиться с «материалами дела». Он побывал в ролях официанта, извозчика, могильщика и босяка. «Макарка-душегуб» — наиболее известное произведение Животова, которое, как и большинство его романов, основано на криминальных хрониках Петербурга и разворачивает перед читателем мрачноватую, но весьма колоритную изнанку столичной жизни последних лет империи.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44

ISBN 978-5-389-31081-0

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ПРОЛОГ

В «полторацком» флигеле знаменитой Вяземской лавры, в квартире без окон, никогда не выдавшей дневного света, занимал угол молодой еще парень, лет двадцати шести, с рябым от оспы лицом, широкими раздутыми ноздрями, круглыми навывкат глазами и всклоченной войлоком головой. Огромного роста, косая сажень в плечах и плотного здоровья, он славился геркулесовской силой и без труда разгибал и ломал подковы. Кто он, как и когда появился в Петербурге, никто не знал, но среди товарищей его прозвище было Макарка-душегуб. Он иногда на собаках или кошках показывал опыты «вскрытия» живота и черепа и проделывал это с такой ловкостью и искусством, что мог бы поспорить с любым профессором-хирургом. Он сам хвастался, что может в тридцать секунд зарезать и вынуть внутренности у самого большого быка.

— А что, Макарка, много ты на своем веку загубил душ? — спрашивали его иногда товарищи.

Макарка искривит рот, посмотрит пристально на спрашивающего — и у того поджилки затрясутся.

— Ты мне товару не поставлял, так нечего и спрашивать.

«Товаром» на их жаргоне назывались жертвы.

— А все-таки?

— А вот пойдем за Обводный канал, я тебе «панораму» покажу.

— Спасибо.

— Рук только марать не стоит! Разве ты «душа»?! Ха-ха-ха...

Обитатели «полторацкого» флигеля боялись и не любили Макарку, но никто не смел этого обнаружить. Макарка требовал полного себе повиновения и известного почтения. Если иногда кто-нибудь проявлял непослушание, то стоило Макарке искривить рот и уставить глаза, как непокорный превращался сейчас же в овечку и беспрекословно исполнял приказания Макарки.

Так прожил Макарка в своем углу около года, никогда не бывая дома днем и редко ночью. Где он проводил время и чем занимался — никто не знал, хотя, разумеется, не работой, потому что у него паспорта вовсе не было, так что если б он и хотел наняться куда-нибудь, то не мог.

Не один раз Макарка приходил весь в крови, обмывал здесь руки, застирывал пятна на белье, чистил сапоги и затем опять уходил. Никто не думал его спросить, чья это кровь и чью «душу» он опять загубил.

Во всем «полторацком» флигеле был один только человек, осмеливавшийся иногда противоречить Макарке и уличать его в нехороших делах. Это была Аленка-поденщица, красивая женщина лет двадцати пяти, но горькая пьяница, зарабатывавшая себе хлеб поденной работой стирки белья в разных домах. Аленка сошлась с Макаркою вскоре после его появления в «полторацком» флигеле и перешла жить в соседний с ним угол, но, несмотря на «любовь», они часто ссорились, и Аленка говорила своему приятелю в глаза такие вещи, что посторонним становилось за нее страшно.

Однажды — это было в начале осени — Аленка вернулась позже обыкновенного. Она стирала белье у богатого купца Смирнова и хотела кончить стирку. Купец

Смирнов занимал небольшую квартиру при своей лавке. Сам он уехал в деревню, так что в квартире оставалась только жена с грудным ребенком и подручный мальчик; приказчик жил отдельно. Макарка очень заинтересовался этой семьей и все расспрашивал Аленку о подробностях.

— Да что это, не собрался ли к ним с визитом? — испугалась Аленка.

— Собрался, и через час буду у них!

На слове «буду» он сделал такое ударение, что соседи вздрогнули.

— А я тебя не пущу! Слышишь, не пущу! Полиции донесу!

Макарка усмехнулся, ничего не ответил и, взяв с печки свой картуз, вышел.

Купец Смирнов и его лавка занимали нижний этаж большого каменного дома. Окна выходили в глухой переулочек. Когда Макарка подошел к дому, все нижние окна были темны и только в одном отсвечивала лампада, горевшая у образов. Макарка несколько раз прошелся по тротуару и внимательно осмотрел все рамы, форточки и задвижки. Наконец он остановился на окне, соседнем с дверью. Опытной рукой, вооруженной долотом, он открыл форточку и пошел по переулочку удостовериться, нет ли где бодрствующего стража в лице городского или дворника. Все было тихо, темень непроглядная, и сон в это время самый крепкий. Осторожно Макарка открыл форточку, отодвинул задвижки окна и легко влез в окно, после чего плотно его прикрыл. Очутившись в лавке, Макарка стал внимательно присматриваться. В темноте он рассмотрел шкафы, прилавок. Всматриваясь ближе, он увидел на полу спящего подручного мальчика. Дверь из лавки в квартиру была приотворена. Макарка на цыпочках вошел в небольшую чистенькую гостиную, из которой была настежь открыта дверь в спальню. На широкой двухспальной кровати

спала молодая женщина, которую крепко обнял грудной ребенок. С минуты Макарка любовался ими. Лицо его нахмурилось, и какие-то воспоминания роились в голове. Затем губы искривились, появилась та ужасная усмешка, которая пугала даже его сотоварищей. Он ощупал за пазухой большой финский нож и на цыпочках подошел к кровати. При слабом мерцании лампадного огонька сверкнуло лезвие. Два пасса — и голова молодой женщины почти отделилась от туловища. Кровь потоком полилась на ребенка, который проснулся и заплакал. Макарка нетерпеливо схватил малютку за ножки и, размахнувшись в воздухе, размозжил голову о стену. Ни крика, ни стоны — только один глухой удар, похожий на падение чего-то на пол. Оставался еще подручный мальчик, спавший в лавке. Совершенно спокойно Макарка пошел обратно в лавку. Он нагнулся над спавшим. Мальчик лежал боком. Макарка опустил левую руку ему на голову и правой нанес удар в шею. Лезвие ножа вошло по самую рукоятку.

Никакого звука.

Отерев нож об одеяло, Макарка спрятал его за пазуху и пошел к выручке. Он был в игривом настроении. Как спортсмен своего «дела», он был доволен полным успехом. Никакой ошибки, фальши или промаха. Все как по нотам. Обобрав выручку, он пошел искать в столах, шкафах. Взгляд его упал на киот с лампадой, из-за которого торчал угол белой бумаги. Достав бумагу и развернув ее, он увидел целую пачку серий, билетов и крупных кредиток.

Он даже щелкнул языком от удовольствия.

— Bravo! Вот это я понимаю. По крайней мере, не даром работал! Не дур-но!

Уложив деньги в карман, он тем же ходом вышел в окно и быстрыми шагами направился домой.

Был третий час утра, когда он подошел к Вяземской лавре. Дежурный дворник спал у ворот. Он перешагнул через него и скрылся в воротах.

Пролог

— Макарка, ты? — окликнула его Аленка, когда он начал возиться в своем углу.

— Я.

— Где был?

— Не твое дело!

— Скажи! Неужели ходил к Смирновым?

— Молчи, я тебе говорю!

— Ты горло не дери, я не из пугливых! Отвечай, когда у тебя спрашивают!

— Ну, у Смирновых, а тебе какое дело?

— В-решь! — почти вскрикнула она и приподнялась на постели.

— Шучу, шучу, так просто погулял.

— Ну то-то. Я даже испугалась!

Через несколько минут водворилась тишина. Все спали. В комнате ночевало, кроме восьми постоянных угловых жильцов, еще человек пятнадцать ночлежников, так что дышать приходилось не воздухом, а одними испарениями. Однако обитатели незаконной квартиры спали богатырским сном, не замечая даже мириадов всех пород насекомых, двигавшихся по полу и стенам целыми полчищами.

Не спалось только Аленке. Ей было жутко за Смирновых, и она боялась, не был ли у них Макарка. Неужели?! Воображение рисовало ей одну картину за другой и одну другой ужаснее. Спрашивать его не стоило. Все равно не скажет. Не дождавшись рассвета, Аленка тихонько встала, оделась и неслышно вышла из квартиры. Бегом пустилась она к Обводному каналу и скоро достигла знакомого переуллка. Вот и лавка. Все тихо. Темно. Она разбудила дворника. Тот знал ее.

— Чего рань такую?

— Пора прачечную топить.

Она стала стучать в заднее окно. Ответа нет. Стучала громче, еще громче.

— Чего барабанишь? Окна перебьешь, — огрызнулся дворник.

— Голубчик, Степан, посмотри, чего они не открывают.

— Спят, надо быть.

— Да Петрушка-то не спит крепко. Он открыл бы.

Они стали стучать вместе. Обошли кругом с улицы.

— Степан! Голубчик, — закричала Аленка, — смотри-ка, окно отворено!

— И впрямь открыто! Ох ты напасти! Верно, грех какой-нибудь! Надо полиции дать знать.

Дворник побежал к местному околоточному надзирателю. Через четверть часа собрались понятые, городской с поста. Решили ломать двери. На Аленке лица не было. Она предчувствовала роковую истину. Когда двери были открыты и присутствовавшие увидели страшную картину, Аленка закричала:

— Он, он, подлец! Это он их перерезал, Макарка-душегуб проклятый! Я вам выдам его головой! Пойдемте со мной скорее, скорее.

Все смотрели на Аленку подозрительно, недоверчиво.

— Или она с ума спятила, или... Это дело не миновало ее рук. Верно, кто-нибудь из ее приятелей!

Идти всем было нельзя. Сообщили сыскной полиции, прокурору. А Аленка все повторяла:

— Пойдемте, пойдемте скорей, а то он исчезнет.

Только через час с ней отрядили двух сыщиков, околоточного и нескольких городских.

Уже начинало светать, когда они подошли к Вяземской лавре. Дежурный дворник побежал за другими товарищами, и облава целой толпой направилась к «полторацкому» флигелю.

— Вот, вот он, ловите, хватайте! — закричала Аленка.

У дверей флигеля стоял Макарка, совсем готовый уходить. Он, вероятно, и уходил уже, но не успел миновать ворот. Все бросились к нему, но Макарка скрылся во флигель.

Пролог

Флигель окружили, расставили дежурных и начали самый тщательный, подробный осмотр. Обошли все квартиры, коридоры, углы, чердаки и подвалы — нигде нет!

Больше всех беспокоилась Аленка.

— Если вы его не найдете, то вы возьмите меня под арест, — просила она.

— Почему? Разве вы принимали участие в убийстве?

— Боже сохрани! Но мне нельзя остаться на свободе: он убьет меня!

— Пустяки! Не убьет, а мы арестовать вас не можем. Против вас нет никаких подозрений и улик.

Осада с «полторацкого» флигеля была снята. Аленка с замиранием сердца пошла в свой угол и прилегла на койку. Каков же был ее страх, когда она над самым ухом услышала голос Макарки:

— Что, взяла? Предала? Помни, ты заплатишь мне головой за этот донос!

Аленка что-то сказала в свое оправдание и оглянулась. Никого не было. Что это? Не привидение ли? Нет, его голос.

Опять все стихло в квартире. Наступила ночь. Аленка сначала не спала, но потом утомление взяло верх, и она уснула.

На следующее утро Аленку нашли в своей постели с перерезанным горлом. Кто и когда совершил это преступление — неизвестно, хотя в сильном подозрении остался тот же мифический Макарка-душегуб. Но где его искать, когда никто не знает даже его настоящего имени?

I. «КРАСНЫЙ КАБАЧОК»

У одной из городских застав только что открылся хорошенький и чистенький трактирчик средней руки, с уютными кабинетами и двумя половинами: купеческой и черной. Хозяин заведения, названного «Красный кабачок», — временный¹ санкт-петербургский второй гильдии купец Иван Степанович Куликов, солидный человек с окладистой русской бородой. Он устроил помпезное открытие, пригласил всех окрестных торговцев, заводчиков, фабрикантов, домовладельцев и устроил угощение на славу. Почти все «именитые граждане» околотка откликнулись на приглашение и пожаловали самолично или прислали Ивану Степановичу хлеб-соль на новоселье с пожеланием всего лучшего. По распоряжению хозяина на черной половине всем рабочим и простолюдинам подавали бесплатно по большому стакану водки и куску кулебяки. Обед для приглашенных был из шести блюд и представлял изобилие всевозможных вин, не исключая ликеров и шампанского.

С утра и до позднего вечера пировали дорогие гости. Иван Степанович зарекомендовал себя таким радушным, хлебосольным и гостеприимным хозяином, что

¹ В дореволюционной России заниматься коммерцией могли только представители купеческого сословия, т. е. члены гильдий, уплатившие сбор, и члены их семей, вписанные в купеческое свидетельство. Однако представители других сословий могли записаться как «временные купцы», оставаясь при этом дворянами, мещанами или крестьянами.

многие коммерсанты просили его бывать у них и выразили искреннее желание познакомиться поближе.

На следующий день «Красный кабачок» открылся для публики и стал торговать очень бойко. Хороший оркестрион, свежая, лучшая провизия, невысокие цены, а главное, новенькая приличная обстановка собирали постоянно массу посетителей, и «Красный кабачок» отбил торговлю у всех соседних трактиров. Иван Степанович поставил за буфет ответственного приказчика, но сам первое время почти постоянно находился тут же. Он знакомился с каждым посетителем, беседовал, расспрашивал, интересовался всем и охотно выпивал по рюмочке с каждым гостем своего заведения. Неудивительно, что Иван Степанович очень скоро сделался популярен и приобрел обширнейшие знакомства. Особенно близко он сошелся с местным кожевненным фабрикантом Петуховым, почтенным, белым как лунь стариком-раскольником. У Петухова было огромное состояние и единственная дочь Ганя, которой минуло двадцать два года. Несмотря на многочисленность женихов, Ганя не спешила выходить замуж.

Куликов сделался большим приятелем старика Петухова. Они часто просиживали целые вечера или в «Красном кабачке», или в конторе завода. Разговор носил чаще всего оживленный характер.

В числе других посетителей Куликова, с которыми он сошелся ближе, был богатый мелочник-лавочник Коркин, женившийся на вдове со ста тысячами приданого. Коркин был одних лет с Куликовым, но веселый и добродушный малый, отравивший на воле солидное брюшко. Он был не промах выпить и даже кутнуть, но вообще пил мало, и дома у него водка и вино имелись только для гостей. Куликов редкий день с ним не видался.

— О, дружище, — встречал его Коркин, — ну как твой кабачок, поди, на славу торгуешь.

— Ничего, жаловаться грех, да ведь, поди, и вы на хлебце насущном не без убытка. Хе-хе-хе...

Куликов отделил совершенно черную половину своего трактира и поставил там отдельно буфетчика, которому дал широкие полномочия и обещал вовсе не заглядывать к нему, если только он будет приносить хороший доход. Куликова предупреждали, что он берет в буфетчики человека с плохой репутацией, который якшается с ворами, но Куликов хладнокровно отвечал:

— А мне какое дело? Он и отвечать будет, если попадется. Зато у меня торговля удвоится. Без воров и мазуриков черные половины трактиров, да еще на окраинах, не могут существовать.

Очевидно, Куликов хорошо знал свое дело, потому что расчет его оказался верным. В короткое время его черная половина сделалась центром всех громил окрестностей заставы и приютом разных бродяг и рецидивистов, скрывающихся за городской заставой. Мало того, здесь образовалась биржа ворованных вещей, так что в определенные дни и часы сюда съезжались маклаки с нескольких рынков. Однако маклаки не жалеют угощения, и в дни закупок ими «слепого товара» в трактире Куликова происходило море разливанное. Перепивались все, и продававшие, и непродававшие, перепивались до того, что многие сваливались на пол и тут же мертвецки спали до утра. Буфетчик Куликова не стеснялся в таких случаях обсчитывать и приписывать, елико возможно, и маклаки платили без проверки счета.

— Как нам проверять? Ведь и он участие принимал не последнее! У него часто хранятся ворованные вещи, он случается посредником между ворами и маклаками. Вообще, буфетчик не оставляет желать лучшего.

— Смотри, Иван Степаныч, неладное у тебя творится на черной половине, — говорил несколько раз Коркин.

— Ни-че-го, — махал он рукой, — поверь, все грязные трактиры делают то же самое. Без участия посто-

ялых дворов, чайных, кабаков и черных половин трактиров не существовало бы и половины всех петербургских воров, мазуриков¹, громил и душегубов. На одном рабочем народе далеко не уйдешь, а эти мазурики — аристократы черных половин. Они проживают больше нас с вами.

II. ГАНЯ

Широко раскинулся за заставой кожевенный завод Тимофея Тимофеевича Петухова, маститого шестидесятипятилетнего купца, жившего уединенно и скромно со своею взрослою дочерью Ганей. Завод Петухова славился далеко за пределами Петербурга и по обороту был одним из крупнейших. Старик жил с дочерью душа в душу, передав в ее руки все хозяйство дома.

Однажды Тимофей Тимофеевич позвал дочь раньше обыкновенного.

— Ганя, ты сегодня приберись пораньше, — сказал он. — К нам приедет обедать Иван Степанович Куликов.

— Это, папенька, трактирщик с шоссе?

— Да, мой приятель... Хороший он человек и умен.

— Я видела его на заводе несколько раз. Не нравится он мне, папенька. В его лице есть что-то нехорошее, отталкивающее. Я и теперь вздрагиваю, когда вспомню, как он на меня посмотрел. Точно зверь, который съест меня хотел! Брр!

— Полно тебе, дурочка, — засмеялся старик и погладил девушку по густой русой косе.

Ганя была настоящая русская красавица: белая, розовая, полная, с пунцовыми губами и большими голубыми глазами. Она в детстве лишилась матери и сделалась единственным другом и помощником отца.

¹ Здесь: злоумышленников.

— Знаешь, дочка, пора тебе замуж, — говорил иногда старик Петухов, — я стар стал, не сегодня завтра помру и останешься ты непристроенной, одна-одинешенька на свете!

— Полно, папенька, зачем вам себя расстраивать и меня в слезы вводить. Поживем еще, а там что Бог пошлет! Я не хочу пережить вас! Не хочу замуж!

Иван Степанович Куликов пожаловал за целый час до обеда. Петухов очень благодарил его и подумал: «Какой любезный, славный человек».

— Слышали вы, новый закон о фабричных рабочих выходит. Моложе семнадцати лет ребят нельзя будет заставлять ночами работать. У вас много ребят?

— Да, порядочно. Все льготы, облегчение дают.

— Это хорошо.

— Ох, хорошо-то, хорошо, только надо бы о деле подумать. Теперь все об отдыхе толкуют, а о работе ничего; народ избалованный.

— Справедливо, Тимофей Тимофеевич, а как здоровье дочери вашей?

— Спасибо, здорова. Она вся в меня. Хлопочет с утра до ночи и краснощекая, веселая.

— Замечательная девица! На редкость, можно сказать.

— И характер ангельский, всегда всем довольна, счастлива. Меня, старика, любит, бережет. Всем женихам отказала!

— А замуж-то красоте следовало бы выйти. Пора старику-отцу и покой дать. Побережь. Ведь с заводом-то да с делом хлопот не оберешься, а женское дело маленькое. Зятек-то и подмогой был бы! Право слово!

— Да, верно, Иван Степанович, верно, кто спорит, а только что ж поделаешь с девкой, коли не хочет и слышать!

В комнату впорхнула Ганя. Две большие косы спускались ниже колен. На ней было светлое платье, плот-

но облежавшее пышный бюст. Грациозные движения, легкая походка, добродушное выражение симпатичного личика — все делало ее более чем привлекательной. При виде гостя девушка сделала такую испуганную мину, что Куликов даже засмеялся.

— Неужели я такой страшный, что вы испугались?!

— Нет, нет, я ничего... Папенька, обед готов. Прикажете подавать?

— Подавай, Ганя, да что же ты не поздоровалась с гостем? Это наш сосед Куликов, торговец.

— Ах, извините, — произнесла она, не глядя на гостя и протягивая ему свою крошечную ручку.

Куликов крепко и выразительно пожал ручку, стараясь встретиться с девушкой глазами, но она, так и не взглянув на него, выбежала из комнаты.

— Видите, какая вертушка! Точно ветром ее носит! И так готова день и ночь летать.

— Хлопочите, Тимофей Тимофеевич, ей жениха! Не ровен час, все под Богом ходим! Загубите вы дочь свою!

— Да уж вы не собираетесь ли предложение сделать? Ха-ха-ха!

— А вы думаете, не сделал бы! Не пойдет только Ганя за меня, а то лучшей жены и во сне не увидишь! Золото, сокровище, а не жена! На руках носить бы стал.

— Что ж, пробуйте: может, и пойдет. Я, со своей стороны, готов благословить. Вы человек серьезный, степенный.

— Нет, где мне! Гане нужно жениха молодого, красивого, а я уж старик для нее.

— Папенька, суп на столе, — послышался голос Гани. Она приотворила дверь и просунула голову.

— Идем, идем. Пожалуйте, Иван Степанович.

В столовой было многочисленное общество. Все холостые главные мастера завода, конторщики, несколько человек соседей знакомых. Тимофей Тимофеевич представил им нового гостя, и Куликов пошел со всеми здороваться за руку.

— Что вы ничего не кушаете? — обратился к нему Петухов.

— Благодарю, я ем.

— Может, не нравится наш стол?

— Что вы, что вы, отличный стол.

Иван Степанович был рад, когда начали вставать. Он сейчас же попрощался с хозяином и ушел, даже не поклонившись Гане и остальным гостям. Впрочем, «гости» сами сейчас же разошлись.

— Ну что, Ганя, понравился тебе Куликов?

— Ах, папенька, чем больше я смотрю на него, тем больше он мне противен! Нет, воля ваша, а он дурной, злой человек.

— Наружность бывает обманчива. Напротив, он очень хороший и добрый человек, а главное — умный и толковый.

— Оставим мы его, папенька, в покое! Пусть он себе будет, какой есть.

— А знаешь ли ты, что он тобой интересуется?

— Что вы, что вы! Благодарю покорно! Он для меня противнее нашего дворника.

— Никак в толк не возьму, что тебе так не нравится в Иване Степановиче?

— Я и сама не могу сказать. Только страшен он мне и противен, как никто еще! Ни одной-то черточки у него нет хорошей, ни одного слова приятного! Брр!

— А я думаю, что это пустяки! Ну как может человек не нравиться так, без причины! Вот если бы он сделал что-нибудь худое или у него недостатки были бы...

— А почему вы знаете, что он делал? Кто он? Откуда? Чем занимался? У нас он первый год! Мы ничего не знаем!

— Как не знаем? Слухами земля полнится. Он в Орловской губернии подрядами занимался, деньги имеет, хочет теперь семьей обзавестись. Все это в порядке вещей. Ничего нет ни подозрительного, ни удивительного.

— Того, что мы знаем, слишком мало, чтобы идти за него замуж, связать с ним всю свою жизнь. Я не знаю почему, но мне он кажется человеком гадким, злым.

— Кажется, кажется... Не говори ты этого глупого слова. Нужно знать, а не «казаться»!

Ганя тихонько вышла из комнаты и ушла в свою светелку. Тяжело ей было на душе. Точно пропасть какая-то разверзлась под ее ногами, и в эту пропасть ее толкают... Кто же? Отец!

Ганя закрыла лицо руками и зарыдала.

III. НА ЧЕРНОЙ ПОЛОВИНЕ

Седьмой час утра. Черная половина трактира Куликова «Красный кабачок» переполнена до тесноты. Все столы заняты, и многие ждут своей очереди потребовать пару чаю. Говор, шум и оживленная беседа сливаются в один общий хаос, в котором ничего нельзя уловить и разобрать. Преобладающий элемент посетителей — рабочие соседних фабрик, заводов, лесных бирж и ремесленных мастерских. Они пришли по дороге из дому напиться чаю перед работой. Ночуют они по углам и приютам, где никто самоваров им не ставит, да если бы и захотели ставить, негде было бы напиться. Необходимость заставляет труженников целыми артелями посещать чайные три раза в день: утром, в обед и вечером, после работы.

Но не одни рабочие наполняют черную половину трактира Куликова. Она уже давно сделалась излюбленным пунктом большинства петербургских громил, бродяжек и разных бесприютных пропойц. Они здесь как дома: их все знают и относятся к ним как к хорошим покупателям, с большим почетом и уважением, предоставляя лучшие столы, расторопнейших слуг и всякого рода льготы и преимущества.

Громилы и бродяжки заняли почти половину чайной и держали себя аристократами, с пренебрежением третируя¹ остальных посетителей. По внешнему виду они мало отличались от рабочих. Такой же приблизительно костюм, такие же манеры, только физиономии их какие-то одутловатые, припухшие.

— Что это Гуся долго нет? — громко заметил рослый, рыжий детина в картузе и с ручищами мясника.

— Обещал прийти, видно, не проспался еще со вчерашнего.

— Не забрали ли его при обходе? — вставил черный субъект, с кудлатой головой и огромным синяком под правым глазом.

— Не заберут! Гусь не так легко дастся, — воскликнул кривой парень лет восемнадцати, с рябым лицом и атлетическими плечами.

Минут через десять двери распахнулись, и в трактир с шумом вошел худощавый, высокий оборванец, в фуражке с околышком и с густыми баками, скрывавшими лицо.

— А! Гусь! Наконец-то! — произнесло несколько голосов. — А то мы хотели объявку в полицию подавать о розыске пропавшего.

— Ха-ха-ха! Здорово, братцы! Ну, докладывайте живей, у кого что нового есть?

— Лабазник Туров получил несколько тысяч и запер их в вырубке лабаза.

— Умник, спасибо ему.

— Чиновник Долин, молодожен, уехал вчера с женой прокатиться в Лугу. Квартира и все обнови брошены на попечение кухарки.

— И это дело! Надо ему урок дать! А где Рябчик?

— Рябчик не был.

— Ага! Он, значит, в сливочной лавке в Почтамтской улице! Однако, ребята, надо выпить... Эй, Митрич!

¹ Здесь: с пренебрежением относятся. От *фр.* *traiter*.

Буфетчик подбежал.

— Пошли-ка сюда самого хозяина.

— Их нет дома.

— Ну ладно, скажи, что я хочу лично его видеть.

Пусть завтра подождет меня. А теперь дай нам водки хорошей, да закусочки раньше.

Началось огульное пьянство. Бутылка сменялась бутылкой.

Когда уже все были хорошо заложивши, вошел новый гость, встреченный общим гоготанием. Он тащил огромный узел, оказавшийся с мокрым бельем.

— Рябчику почет и уважение. Наше вам глубочайшее с кисточкой! Тебя, кажется, sprysnuty надо.

— И как sprysnuty! Насилу приволок проклятое: мокрое, хоть выжимай.

— Митрич, забирай узел да раскинь просохнуть.

— Слушаю-с! Водки еще прикажете?

— Давай, давай! Больных только спрашивают, а мы все, кажется, в добром здравии.

Оргия продолжалась. Спустя некоторое время громады нетвердой походкой перешли в бильярдную. Поставили шары. Рябчик с Гусем поставили по три рубля и взяли кии. Остальные держали мазу¹. На столах выстроили батарею пивных бутылок. День клонился уже к вечеру.

— Артамон Ильич, — шепнул Гусю на ухо буфетчик, — хозяин приехали, прикажете доложить?

— Конечно! Живо!

Через несколько минут мальчик прибежал:

— Пожалуйте. Просит наверх.

Не без труда Гусь поднялся со стула и, тяжело переваливаясь, поплелся за мальчиком.

Совсем уже стемнело. На черной половине «Красного кабачка» раздавался богатырский храп. Не спал

¹ Делали ставки на игроков.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖИВОТОВ

МАКАРКА-ДУШЕГУБ

Роман из петербургской жизни

Ответственный редактор Екатерина Дубянская

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Ольга Золотова, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 04.12.2025.

Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 21,84. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА*,	АЗБУКА* тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-CPI-40300-01-R